

Александр Верник
САД НАД БЕЗДНОЙ

Александр Верник **■■■■■■■■■■**
САД НАД БЕЗДНОЙ **■■■■■■■■■■**

Alexander Vernik
GARDEN ABOVE THE ABYSS

© 1999 by the author

© 1999 by Olga-Aviya Kasyanenko and Nikolay Bezzubov
(cover design and illustrations)

On page 7 – homage to the water-colour "Apricot" by the artist
Tania Kornfeld

For orders and contacts:
Alexander Vernik, Margalit Str. 1, Apt. 10, Jerusalem 93847
Phone: 972-2-6763214

ISBN 965-424-032-7

VERBA Publishers
P.O.Box 6356, Jerusalem 91066

Printed in Israel

ПАРАФРАЗ

Книжке "Биография"

*Не вычеркнуть, не вытравить, не смять:
пиджак кургузый, друз, линейка ситца –
словарь все тот же – утром точно в пять...
Не заболеть, не спрятаться, не скрыться.*

*Природу изменить, что карты ход – шалишь!
Непродуктивно, неблагоприятно.
За книжной полкой верховодит мышь.
На небосводе маскхалата пятна.*

*Вступить пытаться (далее число –
не помню точно) в воду (вспомнил!) дважды –
бессмысленно, а главное – порочно,
поскольку (сбился – все же пронесло...)
в Иерусалиме нет воды проточной,
а все ключи не утоляют жажды,*

*особенно, когда стоит хамсин.
Тут впору сдохнуть, одуреть, рехнуться,
рвануть сорочку из последних сил,
за валидолом ринуться, проснуться,*

*и первое, что сделать не забыть –
все вспомнить: голос, сад над бездной.
Расплакаться и вновь пуститься жить,
мучительно, прекрасно, бесполезно.*

1989

ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ

* * *

И. Хрущицкой

Долгие провода – лишние слезы,
летние туфли по снегу елозят,
ближневосточной грязи.
Господи, пронеси.

Мы с тобой, сонечко, справим одежду,
купим бутылку, лишайную кошку
пустим по дому ходить.

Пусть себе, сука бацильная, ходит,
сказку расскажет, песню заводит,
станет котят приносить.
Так и научимся жить.

Ладно. Не верь говорку-кривотолку,
если ушли от известного волка,
и от любви уйдем.
Вот и заладится дом.

1987

* * *

...целый вечер в доме молчок.
Кто захочет прийти сюда?
Только дочкин смешок,
только кошкин клубок,
только слышно стучит вода.

Мы не звали гостей, но гость
неизвестный зашел один.
Как тонка его кость,
как насмешлива злость –
полуночный такой господин....

1987

НОЧЬ ГАЛИЛЕИ

Не продохнуть.
Звезда мешает вздоху.
И Млечный Путь
колючками чертополоха
расчетливо пронзает грудь.

Но боли нет.
А только страх рассвета.
Немыслим свет
вечнозеленый лета
еще на тысячу вечнозеленых лет.

1987

* * *

И. Бокштейну

- И глаза к темноте привыкают,
и рука привыкает к руке.
- Но как долго не рассветает...

Все непрочно. На волоске
диалог. Собеседник в тоске,
говорит - и стихи не спасают...

- Посмотри, злые дети играют.
- Это птицы кричат на песке.

1985

* * *

М. Генделеву

Как страшно пели птицы на заре.
Их жестяной язык дрожал в гортани.
Здесь не жили они, а прилетали
на дерева, что были во дворе.
Я точно помню мелкие детали
их оперенья - в бронзе, янтаре.

И так невыносимо было знать,
что птицы эти не вернулись в стаи.
В саду у моря, утром, точно в пять -
умолкли разом. И травой стали.

1985

* * *

И. Хрущицкой

Заглянуть в себя,
увидеть,
заглядеться!..
И тотчас - прочь.
Точно падаль, гниют обиды.
Чем пытаться помочь,
почитай мне из "Энеиды"
или повесть "Дворянская дочь".

Измельчала порода,
по-людски чтоб похоронить
при стеченье народа...
Было б вовсе не жить.
Что напрасно хулить природу?
Брось природу хулить.

Слышишь, мыши за книжной полкой.
Тащат мыши вчерашнюю снедь.
И стучат, и сучат, и только:
"Он не смог преступить и сметь!"

Помнишь, в Харькове на барахолке
павильон - "Под куполом смерть".

1984

ИЗ ЦИКЛА "ЖИВОЙ УГОЛОК"

1. Чиновник

Всё и вся - угрюмое ничто.
Вздор. Провинциальный анекдот.
Скажем, у чиновника пальто
ни один босяк не умыкнет.

Не напишут повесть по нему,
буква "А" не удлинит строку.
Разве девка пляжная в Крыму
за трояк потрафит дураку.

В Ленинград вернется он. В архив.
Без печали, памяти и зла.
Ни один неслыханный порыв
биография ему не принесла.

Умер он. Морковка, ничего,
черновик, бездарная строка!
Так давайте ж выпьем за него.
Очень жаль морковку-дурака.

Сентябрь 1987

2. Домашний зверь

На Востоке я так долго живу,
что мне кажется - не наяву,
не взаправду, а понарошке.
Только присутствие кошки

успокаивает меня как-то.
Кошка в доме является фактом:
то налейте ей молока
(замечаете, вы живете, пока
она пьет), то ей двери
отворите или, скажем, окно.
Словом, домашние звери
мне по сердцу давно.

Май 1988

3. Синица

И она не поет...
Жак Превер

На столе моем книжка лежит "Максимка".
На стене моей Таньки висит картинка.
На кровати моей проживает тело.
А вот чье оно – это не ваше дело.

Этих слов наигранная минорность,
может быть потому, что хамсин не норд-ост,
навевает скорее тоску, чем скуку.
Вот синица в руке. И синица не радуется руке.

Расходилась словами рука,
но как низко она летает.
Только высь потолка –
и прыжок не спасает.

Этих слов не набат
нашептала отнюдь не муза –
твой рассеянный взгляд
и в слезах письмо из Союза.

Не заладилось ввысь –
мне привычной домашний словник.
Кот мой злобен, как рысь,
и красив, как герой-любовник.

Он царит над столом.
Он синицу сейчас прикончит.
Оставляю стило.
Потому что писать не хочет.

Август 1988

4. Муравей (апология)

Вот муравей на грифельных ногах.
Вот муравей – чудовище стальное.
В ком тело гладкое торчит над головою,
как жерло сладкое в восторженных очах
у комсомолки, что еще вчера
по пьянке заловили мусора.

Но я о муравье. А он – грядет!
Вот он застыл. Вот он чего-то тащит.
Что может быть возвышенней и слаще,
чем муравья крылатого полет.

Его усы. Его высокий лоб.
Вся матовость его. Его огромность!
Он вольтерьянец. Он, конечно, сноб.
Что перед ним хваленая духовность
людской породы? – Скверная игра.
Всё пьянки, комсомолки, мусора.

Август 1988

ПРОГУЛКА

Когда начинаешь двигаться по плоскости двора,
медленно уходящей в широкую сферу планеты,
слышишь крики: "Спасите!" или: "Ура!"
Замечаешь диковинные предметы.

Вот господин с собакой. Вот
собака закуривает, господин поднимает ногу.
Далее зоопарк. В нем бегемот.
Надпись: "Не кормить, руками не трогать!"

Что? Почему? Уже сходишь с ума.
Но не задерживаешься. Движешься дальше...
Ты прохожий. И дорога тебя приведет сама.
Позже, как правило. Изредка – раньше.

*

Глубокомысленность наблюдения
не исключает истинности,
и мы продолжим движение
по пересеченной местности,
где каждый шаг сопряжен,
где всякая мысль – *про это*.
Буду стараться не лезть на рожон.
Хватало истории мертвых поэтов.
Я знаю историю. Я искушен.

А меж тем клонится к закату день,
крики "ура" – глуше.
Невозможно понять, то ли тень
бегемота, того, что нельзя кормить,
застит дорогу, и пыльная нить
вот-вот оборвется, то ли души
тех, что прежде были лицом
(помните? еще "спасите" кричали),
обернулись птицей, кустом, концом
твоего пути.

И ты внезапно оказываешься в начале.
Хоть, в общем, не вечер и можно дальше
идти...

Здесь многоточие... После – пустошь
улицы. Сад. Покой.
Я дома. По-прежнему окна настезь.
Во двор и на улицу ни ногой.

1989

* * *

Что мне до вечности, до белого листа,
заученно зовущего куда-то.
Прекрасна истина, бесстрашна и проста:
в прихожей смерть, и ты не виновата.

Вот потому не горько и легко
мне говорить, тебе молчать и слушать.
А вечером – в картонке молоко,
и голос радио не согревает душу.

Душа моя сегодня холодна,
расчетлива, и светом черно-белым
ее земная тень озарена,
и до меня ей больше нету дела.

Здесь места не найти для суеты.
Но, память от беды оберегая,
опять слова ложатся на листы.
И смерти нет. А только жизнь другая.

1987

* * *

Российские просторы мне не снятся,
меня пугают долгиесрока.
Уйти в запой примерно в восемнадцать –
опохмелиться после сорока.

А в промежутке между тем и этим,
грамматике уже не подлежа,
глаголы в нетях, только междометья
затравленно толкутся и визжат.

Но мне не страшно. Даже интересно.
Должно быть, исполняя чей каприз,
висит душа на ниточке, отвесно,
и разве чудом не слетает вниз.

1990

ХРЕСТОМАТИЙНАЯ СМЕРТЬ

Дворянство любви и слюна поцелуя,
рисунка изыск и чума детворы.
И я, конечно, не рискую
нарушить правила игры.
В ней никаких противоречий,
но лишь гармония и вздор:
высокий стих, тюремный двор.
В ней на каком бы из наречий
ни объявили приговор –
он встанет бледным и суровым.
Надменно слушая приказ,
задумается вдруг над словом.
Попросит снять повязку с глаз.
Кивнет мальчикам бритоголовым.

1990

ЦВЕТАЕВОЙ

Вплоть до истерики. В плоть,
живую еще, но уже
рвущуюся в полет
на лестничном вираже.

Вплоть до истерики. В лёт.
Будто стреляют птиц.
Кружится хоровод
пуха, перьев, ресниц.

Как сказано выше - в плоть,
стыдиться которой - честь,
соблазн и боль Господь,
который, конечно, есть, -
вложил. Не прервав полет,
она отвечает: "Месть
в счет будущих бед и зол".

Содравши любовную слизь,
истеричку слов - на стол,
истеричку жеста - ввысь!

Декабрь 1990

* * *

С. Б.

Седая цапля, грех далекий мой,
я плачу лишь над временем, вне связи
с тобой, собой, оставленной страной,
которой, если хочешь, я обязан
лишь тем уже, что выбрался живой.
Мой плач, как в фильме ужаса, не сразу,
оборотится в безобразный вой.

Давай поплачем вместе, без боязни,
над временем, которое и жаль,
что ни один из нас не избежал
любви.

И, Господи, каким бы вышел праздник,
когда бы дар надежды и соблазна
сумела вынести душа.

Случайно, суетливо, на бегу
пытаюсь вспоминать. И не могу.

10 сентября 1991

* * *

На Средиземноморье почему-то
на пляже не найти печальной девы,
которая вотще глядится в даль.
Возвратность эта нам необходима
для если, скажем, не приданья смысла
и не для понта, то для настроенья.

- Простите, право, мне бы не хотелось
вам помешать.

Она бы, стерва, мягко улыбнулась,
как в тех стихах, где "девушки с загаром
темнее их оранжевых волос", -
нам так подчас нужны сопоставленья...

Зачем-то вспоминается Гурзуф
и пляжик чеховский. На нем с одним Андрюхой,
сыном любимым контр-адмирала,
из Ленинграда, вместе я гулял
с двумя медичками из города Перми,
играл в бутылочку и нервно целовался
в году примерно шестьдесят втором...

И обольститель-мистик не соврал:
моря Карибские, как видим, существуют,
а может, есть на них и флибустьеры,
вот чахлый клен как раз-то и не есть.
Вечнозеленый глянцево-гербарий
меж двух страничек трудно засушить
на память для какой-нибудь Натальи.

А белый стих, конечно, раздражает...

1989

* * *

Е. Игнатовой

Бессмысленна полночная слеза.
Дурак поет: "Не сыпь мне соль на рану".
И некого винить в конце концов.
Скажи мне кто двенадцать лет назад,
что вдруг по-басурмански трёкать стану, -
я рассмеялся б шутнику в лицо.

И то сказать, из прошлого таращить
на будущее зенки - в черный ящик -
восторг и страх, томление души!
И пусть пока милее день вчерашний
(я жил тогда), мне ничего не страшно,
и "камни в серьгах так же хороши".

Дурак поет, заходится, блажит
и в горни выси за собою тащит.

1990

ИЗ "АРИОНА"

Нас было много на челне...

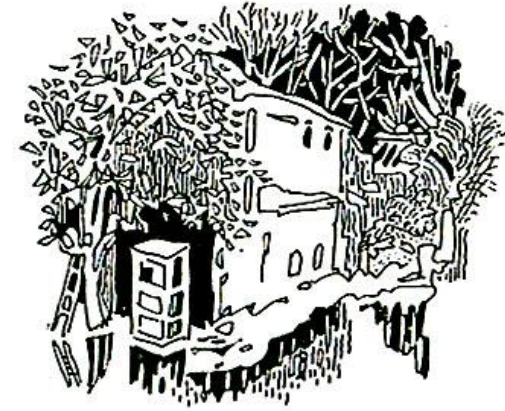
Александр Пушкин

Мне не поднять рукі: мешает знанье,
мне слóва не сказать: мешает ремесло.
А время шло, и пряталось сознанье,
и не умел увидеть я, как время шло.
Но не менялся, между тем, порядок мирозданья:
я лодку к берегу хотел – да треснуло весло.

А мне казалось, на корме нас четверо сидело, –
один сошел, на дне другой, а третий изменил.
Или команду предал я? Но разве в этом дело!
Я выбрал море поюжней и моряков сменил,
и рифму точную в строке расположив умело,
весло отладил и флажок на мачте смастерил.

Теперь всего, казалось бы, на лодке вдосталь будет,
теперь должно, казалось бы, отменно повезти.
А если что-нибудь не так – ну кто кого осудит?
Всего-то ерунда, пустяк: на весла – и грести.
Глаголы парные сложить и громко крикнуть: "Люди!
Ступайте, знаете куда... Счастливого пути".

Август 1989

* * *

Мне нечего вспомнить. Разве: рука,
как у школьницы, след от мелка
на руке, заусеницы, цыпки.
В щербинке зубов – готовность улыбки,
всегда, без условий, без дураков.

Мне нечего вспомнить. Разве: смешок
арлекинки, пацанки и сразу –
себя с идиотским лицом,
и тоска
немыслимой фразы:
– Послушай, дружок,
я сегодня не склонен...
И не понимая, что перед концом,
на редкость спокоен.
И снова – рука.

Мне нечего вспомнить. Разве что сад на горе,
не выше, чем след,
а казалось, что выше.
Мы ночью ступали след в след,
боясь оступиться. И если не слышать
(давай повторять друг за другом подряд)
теперь ничего и не видеть,
то даже тогда – на заре
и под утро:
мне нечего вспомнить, разве что сад.

1989

31 МАЯ 1991
(подарочные стихи)

За тебя я заплатила чистоганом...
Анна Ахматова

I

Я научаюсь обходиться без самых редкостных вещей:
любви последней и безделки, в которой прятал смерть
Кащей.

- Не смешно, а тошно.
- Зато потешно.

II

Я отстоял на часах безумия телефона
белого-белого цвета,
в течение двух лет,
сотканного из
стрекозки вокруг плафона,
почти что прозрачного света,
молчания, баса, фальцета
маленькой лунатички,
вышедшей на карниз.
Только не разбудите –
фары, машины, свет!
Пожалуйста, только не вниз.

- Не смешно, а тошно.
- К тому ж кромешно.

III

Кот наплакал – вот душа, вот и тело,
а гляди, приворожила, как хотела,
как хотела, как могла – не старалась.
Ни ладоней, ни лица не осталось.

Как хотела ты в Париж, в одиночку,
чтоб по улицам ходить улыбаясь.
То сестричку в тебе видел, то дочку,
то любимую – сам удивляюсь.

Не гуляла, не шла – летела.
Вся – сияние в любую погоду.
Ты свободною быть захотела –
что нам делать с твоей свободой?

Пройдено, отплакано – довольно.
И бессмысленно – то, что больно.
Поживем еще на радость друг другу,
и навстречу по известному кругу.

IV

Желтушный белок и зрачок голубой,
недолго мы вместе смотрели с тобой
на дым золотой, на серебряный дым
с холма, на котором ночные сады
спокойны, и так далеко до беды,
что внезапно уходит любой.

- Не смешно, а тошно.
- Не страшно.

V

Комната

М. Винклеру

Стрекоза ночная (а бывает!),
и одежка по углам летала,
монстр с полки песню завывает –
музыка огня или металла,
при которой ближе – невозможно.

Ну а мне поляк лишь интересен:
осень, полонез и осторожно
дрожки тронулись – действительно несложно.
С полок сладко улыбались бесы.

Боль была, с которою не сладить, –
тьма в саду и знание конца.
Зеркало. Смотрю, как черт на ладан.
Только след лица.

15 мая – 16 июня 1991

ДРУГАЯ ПОПЫТКА

1. Риторическое введение

Силы действительно оставляют,
но скорее не тело, а душу.
Впрочем, дела это нисколько не меняет,
просто я трушу.
Опасаюсь одиночества, равно и многолюдья,
то есть дальнейшей жизни,
вскрика дурацкого "а судьи
кто?!" – памяти об отчизне,
давшей язык и отнявшей речь.

Вызвать бы, обучиться
не плакать, когда последняя голова с плеч
долгой, укреплять организм, как йоги,
и, что бы там ни случится, –
отдать приказ мозга – душе:
отрастить голову и выпрямить ноги,
как, помнится из истории, поступал министр Фуше.

Попытаемся быть осмотрительными в выборе слов.
Смотрите сами:
(сосредоточьтесь и будьте бдительны)
слова – единственное, что еще оставляет иллюзии,
и, не разрушая основ,
слова становятся незамутненными снами
без приставалы-гипноза и обманки классической
музыки.

Так что попробуем, пожалуй, размышлять;

расчетливо и не торопясь
располагать слова по цвету и по значению,
находить единственно возможную между ними связь,
словом, заниматься медленным стихосложением,
а не описывать правду жизни и грязь.

Попробуем (вчерне) исключить домашние мотивы.
Ни слова мести тем, кого когда-то любил.
(Только ли в прошлом? а теперь, а еще...)
И станем записывать, как предлагал, расчетливо
и неторопливо,
отсеивая сомнительные "страсть" и "пыл"
и не выставляя счет.

6 октября 1991

2. Явление пионерки

Что-то сдвинулось, что-то щелкнуло,
что-то кончилось, остановилось.
Пионерка с дурацкой челкой
в моей комнате объявилась.

Приседает она, куражится,
знаки делает, изумляет.
И такое в ней вдруг покажется,
что, конечно, так не бывает.

Только как же не быть такому,
если розовая, живая -
статуэтка, награда ревкома
и тоска моя сторожевая.

Так в моем *далеко* сионистском,
что простерлось от можа до можа,
прижилась пионерка-горнистка,
и колдует она, и тревожит.

19 сентября 1991

3. Птица

Далекая птица кричит в синеве,
далекая, глупая, злая.
Мой пост затерялся в высокой траве,
и, толстую книгу листая
о гадах и птицах, жуках и траве,
разнежился я и ищу в синеве
далекую, глупую птицу -
не курицу, а девицу,
горбатую, злую, о синих зрачках,
приспущенных крыльях, коротких руках,
наколка на бедрах, цигарка в зубах.
Пускай накудахчет, накличет
судьбу мою глупую, птичью,
без птицы прекрасной, а с люлькой в дому.
Я книгу листаю - слова не пойму.

25 сентября 1991

4. Куплеты о сумасшедшем

Люди идут по свету...

Песня

Жизнь городских сумасшедших
мне не дает покоя.
Откуда они берутся,
кто же они такие?

Если смотреть в корень,
а не смотреть прямо, –
они на свет выползают
из прорвы разума, ямы,

в которой ненастным утром
звезда в косяке гуляет,
в которой никто не умеет
понять, чего он желает.

Эта занятная тема
стоит страниц в романе.
Вот глава небольшая
о стебанутом Сане.

В городе, где на иголку
девять бесов садится,
десятый скользит, не может,
негде ему поместиться.

Так вот, в этом городе белом,
где смерть на рожденье похожа,

десятый бес на иголке,
конечно, рассесться не может.

В нем-то наш Саня вещий
яблочко тычет прохожим,
взгляд у него зловещий,
струпья на белой коже.

Птицы думать садятся
к нему на сутулые плечи,
сны ему дивные снятся,
ночью укрыться нечем.

Не гонит Саню Назаров,
Федотов глядит кротко,
и Генделёв на базаре
его угощает водкой.

Казалось, чего бы лучше,
зачем бы я в дверь ломился?
Случился ужасный случай:
блаженный Саня влюбился.

Не в бабочку, Божию пчелку,
каемочку на тарелке,
Саня пытается счастья
в немолодой еврейке.

Мертвых котят и мышек
он ей под двери приносит.
Саня любит еврейку –
она его не выносит.

Не подпускает ночью
Саню к заветной спальне.
Он дико в ответ хохочет,
что для него нормально.

Обиженный и сердитый,
струпья с себя сдирает.
Саня идет по свету,
а почему – не знает.

20 сентября 1991

5. При свете прожектора

Закат сгорал.
На полосе прибрежной
в луче – волны кипело молоко.
И было так легко и безнадежно,
так безнадежно было и легко.

И если бы он не был безутешен,
и если бы она еще была,
они б играли в косточки черешен
и чай с вареньем пили до светла.

23 сентября 1991

6. Разрыв

Все разделивши пополам,
высматриваю по углам,
в глаза заглядываю – пусто.

Темнеет страх чужих зрачков,
светляк сверкнет – и был таков.
И память вытравило дустом.

Как будто не было войны,
когда почти что треть страны
страну бросает на недели.
Твой телефон кричал и гас,
их школьники пускались в пляс,
все думали – когда же газ,
и офицеры в пол смотрели.

"Как мне суметь, любимый мой,
пускай хоть книзу головой,
а все ж на кромке удержаться?"
Все брошено коту под хвост.
Осмыслен взгляд, далек и прост, –
не позвонить и не прижаться.

И хоть скачи за сотни верст,
как там, давно, где месяц врос
в державный мир пустого звука, –
все перерезаны пути,
не сохранить и не спасти,
а промотать, продуть, профукать.

Так, промотав наследство, сын,
стоймя, дурак, стоит один,
свобода трезвая – богатство.
А я прилягу налегке
и водки выпью в холодке
за равенство и, что там, братство?

24 сентября 1991

7. Искушение

Так отчетливо кличет свобода –
что с ней делать, куда ее деть?
То ль с балкона смотреть на природу,
то ль без голоса тихо запеть,

то ли свечи зажечь. Одиноко
сгорбить плечи в заемном дому
и фальшиво из раннего Блока
отраженью читать своему,

то ль под простенький опус барочный,
замеревши на четверть часа,
так прицельно, уверенно, точно
вдруг под мышкою почесать,

и заплакать под сладкую ноту,
и прощенья у снимка просить,
и, не думая, по блокноту,
собеседника пригласить.

Это сладкое слово "свобода" –
никому, ничего, никогда!
А в окошке звезда небосвода,
и кухонная каплет вода,

и ненужная книга на стуле,
и несвежая роза.

Рефрен:

– Обманули, как есть обманули –
в этом вкрадчивом ужасе стен.

8 октября 1991

8. Завтра

Я жить хочу и умереть боюсь...

Арсений Тарковский

Я умереть хочу
и жить боюсь,
и все же, из последних сил,
лечу-сь

вдохнуть глоток, потом еще один,
как будто по инерции. Мне мил
да вот хотя бы этот господин,
шагающий со сломанным зонтом,
такой живой, а приглядишь – фантом.

И этот город нервной белизны,
где все случилось и случится вновь,
где чудных литер, выющихся, резных
вечнозеленый, тайный хоровод
плетет венки еще нечетких слов,
которым назначение – любовь,
которых книга – эхо, небосвод.
Здесь девочка бездомная, сестра,
сумевши ненароком подменить
слова и эхо, отвечает – нет.

И эта, Станиславского, игра
раскручивает леску, провод, нить,
которым ключ – "конечно" и "пора",
которых смысл – вспомнить и убить
понятия "назавтра" и "вчера".
– Чего-то ждешь? – спросил.
– Конечно. Жить.

1 октября 1991

9. Послесловие

Не окончится ничего, ничего,
никогда не остановится вал
записи голоса твоего –
и мгновенные вспышки, когда тебя целовал.

Улыбка и боль изменят топографию морщин на щеке,
рисунок вен вздует и перепишет рука.
Но останется царской наградой матовый след на руке
от школьного, помнишь? – из давних стихов – мелка.

Вот так все и устроится быть.
Можно подретушировать деталь.

Реальность не стала обманом. Просто изменился
контекст.

Главное – не чтобы вовсе не захотеть забыть,
а стариковски всхлипнуть: мне ничего не жаль,
решительно ничего, кроме нескольких частных мест
из многословной попытки
тебя продолжать любить.

5 августа 1991

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Разговор

– Кончилось все. Ничего не осталось.
– Хоть бы безделка, царапина, малость.
Снимок ослеп за буфетом.
Пестрая свечка с приветом.

В чей телефон им теперь постучаться,
если события станут случаться?
– Некому слово сказать.
– Некому слезку слизать.

30 июля 1992

Записка

Поговорим о бесстрашии – о чем еще? –
не приукрасив прошлое и не очернив.
Повторим слова – да они не в счет,
но остается простой мотив:

весла мельницы, полёт и всхлип,
холод долины, дурацкая прыть.
Не получилось с полетом, влип,
не рассчитал, но готов повторить,

поскольку мелодия сладко скучна,
поскольку воздух отчаянно пуст,
поскольку страшно, но память сна
под утро не громче, чем пальцев хруст.

Казалось, пустяк – не признать вины,
но мелко и дурно фальшивит хор.
И меж сияющих глыб Стены
моей записки любовный вздор.

22 июля 1992

ЮБИЛЕЙНАЯ ПРОЗА

Генерал! Мы так долго сидим в грязи...

Иосиф Бродский

Я не ездил семь лет никуда отдыхать,
я все чаще ложусь, не раздевшись, в кровать,
на носках идиотские латки,
и сколько сахара в чай ни клади,
чай кажется совершенно несладким.
Вот и женщины нет, которой я сказал бы
"не уходи",
с такого все взятки гладки.

Здесь за последние несколько лет
все решительно сходит на нет,
штукатурка со стен сползает
беззвучно, словно в немом кино,
где зритель с актерами заодно.
Надо б к зиме подклеить окно –
субтропики не спасают.

Видать, в облюбованной Богом стране
что-то не больно можется мне,
все остальное – больно.
Было б разумно не жить вполне,
впрочем, живу добровольно.

1985

* * *

Лишь перышко черкнет скупой рисунок,
легко очертит реку и листок –
я засыпаю и шепчу спросонок:
"Что мне за дело до соседских склок?"

Дуэлей чести, рыцарских турниров
на коромыслах, где наградой – троп,
где победитель свой венец терновый
на побежденный надвигает лоб".

А мне забава, писк, воспоминанье,
еще последний штрих – и ваших нет.
И только эхо, перышка касанье
на белом поле оставляет след.

1987

* * *

Но я не поклонник своих стихов:
грехов утомительный список и детство,
хрущей перелетных – волшебных жуков
полет и явление, свет и соседство.

Но я не поклонник стихов своих,
лазоревого сих, а по сути белее,
вдали от привычки, задумчивый псих,
на спичке обугленной – памяти злее,
румянее всех и, конечно, белее,
прекраснее литературных утех!

И так незатейливо отходя
в заслуженный впрок и заранее отпуск,
поскольку Восток и виденье дождя
заставит использовать лишь как обманку,
на ссадинку быта поставлю я оттиск,
на вымысел текста, на мертвую ранку
не слова, не лирики – а себя.

1987

* * *

Так громко крикнуть, чтобы крыши
вдруг поднялись и стали выше
высоких самых. Чтобы провода,
нет, не они, скорей их отраженье
в воде прогнулось резко, и вода
зеркально отражению движенье
вверх устремила, и вверху звезда
отчаянье во мне освободила.

Вдохнул бы полной грудью я тогда,
чтобы дыхания на поздний крик хватило.

1990

РОМАНС

Полет ночной, спаси аэроплан!
Небес развертка в пятнах маскхалата,
но самолету чудится Монблан
в роскошествах восточного заката.
В округлостях холмов сокрыт обман –
ищите женщину. Она не виновата.

Столь резок переход от света к тьме,
что самолету кажется вполне
бездарной песня о друзьях-пилотах.
Он знает, что пилота не спасти,
и по ночам, когда находит стих,
гудит романс о смерти самолета.

Приемничек расхлябанно поет,
наследие британского мандата.
А мальчик собирается в полет,
он подтвердил: она не виновата.
Его, по тексту, точно в пять убьет.

Таков романс. Ночной полет, расплата,
кремнистый путь, холодная рука
и на погонах крылья мотылька.

1984

ЗИМНИЕ СБОРЫ

Божий перст - аэростат,
в синей прорве наднебесной,
над худой коровой местной
укоризненно повис.

И забывши, право слово,
как там пишется корова:
может - ка, а может - ко,
пью хмельное молоко.

Захмелею - дерну вниз:
на разрушенный карниз,
на пустой, замерзший град
снизойдет аэростат,

со шпионскою начинкой,
поднадзорною судьбой,
новенький, как бы с починки,
белый так, что голубой.

Он сидит в дурацкой будке,
третий день, вторые сутки
охраняет пустоту,
размышляет на посту.

Ничего не понимает,
головы не поднимает,
знает, плачет над судьбой -
белой-белой, голубой.

1986

ЗИМНИЕ СБОРЫ-II

...и на погонах крылья мотылька.

Первый круг - это заяц в луче,
он застыл, он подобен свече,
а точнее, изображенью
свечи, чей огонь фитилька
так похож на крыло мотылька
на погоне, уже без движенья,
затаилось, замерзло пока
и мешает стихотворенью.

Круг второй - мотылек на плече,
всхлип и память о лунном луче,
запоздалые страхи и дрема.
Караульный окончится круг -
ты очнешься не сразу и вдруг
на декабрьском аэродроме.

Третий круг начинается в три.
Затань, перестань и смотри,
как беснуются псы у забора,
как трясется потрепанный джип,
затихает полуночный всхлип,
все еще ни один не погиб,
но рассвету начаться не скоро.

А рассвет начинается в шесть:
досказать, записать и прочесть -
честь и доблесть стиха и мундира.

Так случится часа через три.
Круг замкнется. Разгадка зари –
на поверке, у командира.

10 декабря 1990

* * *

T.

Не помыслить пока и потом
не представить. А впрочем, а все же –
будто девочка в легком пальто
и серьга зеленеет на коже.

Будто прежнюю песенку ту
вспомнил я – рассчитаюсь за это.
Но овалом лицо в пустоту
так, как будто вокруг ни предмета.

Так, как будто вокруг пустота.
Потому-то и он осторожен.
Только в пальцах зиянье листа
и серьга зеленеет на коже.

1992

ОКУДЖАВЕ

Кричали кошки тяжело,
как будто ухали бичами,
как будто время подошло
кричать. И вот они кричали.

Они кричали, как могли,
как не могли, как не умели.
В упор разбойные угли
из ничего в ничто смотрели.

Они кричали, словно бы
не на живот – на смерть. Очами
визжащими прочь от судьбы!
Навстречу ей они кричали.

Так воют бабы пред войной
еще в предчувствии печали.
Так задыхаются виной –
и в крик: "Из дому! Нет, домой!"
Еще сильнее они кричали.

– Ну, звери! Загубили сон.
И вот, откинув одеяло,
я встал, я вышел на балкон,
плеснул водой – и все пропало.

1988

МАЙСКИЙ ПОЛДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ВТОРОГО

А. Барашу

Когда, казалось бы, нет никакого резона
продолжить прошлое
и горний Иерусалим в снулых зрачках лишен
горизонта, –
в игорный полдень всплывает облако с головой бизона
(для рифмы),
и необходим глоток другого озона
(для жизни).

И все химеры немыслимого сухого неба
обрушиваются крупной воробьев
на плечи девы над "Terra Sancta".
А мать умерла и не спрашивает:
"Почему ты так долго не был дома
и даже не позвонил?"
И нечетное число ступенек – знак выигранного фанта.

Открывается рядом неведомый прежде класс
крокодилов. – Доходит до смешного, –
лениво замечает Бараш.
И не отпугнешь их криком "ловите мух, а не нас",
и не пронзит золотое копьё их безресничный глаз,
и обломится под нашими пальцами остро отточенный
карандаш.

Откроем карты: рождение сына, новый роман,
подметные письма, хамсин и опять мигрень.
Ожидают Мессию – шире держите карман,
и нечаянно радость: в здешнем саду сирень.

Мы еще повоюем – точен обмер спины.
Мы еще поживем – безупречен наш глазомер.
Наши стрекозы пусть синеглазы, но не жирны.
И зрачок, наконец, светлеет.

4 мая 1992

ДОМ

...а мы такие зимы знали,
вжились в такие холода...

Илья Эренбург

Не по холоду плачь, не по холоду,
а по молодому голосу своему.
Ах, не честь побережь бы смолоду,
а по льду, по чистому голоду –
дом найти. И осесть в дому.

Слотыкался снегирек, кувыркался
на перилах аварийного балкона.
Дождался, жил я – дождался
над долиной летящего дома.

Нету в доме ни крыльца, ни светелок.
На ноге я сыночка качаю.
Вот заглянет соглядатай-бесенок,
вот предложит изумрудного чаю –

откажусь. Чертенка поглажу.
А наскучит игра-полова,
я на царство сына помажу:
голос дам – голубиное слово.

1993

ЗАКЛИНАНИЕ

Борису Чичибабину

Еще бы раз всего прибиться и припасть,
так прикипеть и впредь уже не отрываться.
И что, скажи, война, что родина и власть, –
когда бы только так спасать или спастись.

И спяну я не смог увидеть дальний свет –
столь небеса близки, светло в Иерусалиме.
Мои друзья со мной, а скорой смерти нет,
и Божья благодать надолго будет с ними.

Март 1991

ЛЬВОВСКИЙ ТРИПТИХ

1. Поезд (этюд художника-передвижника)

В. Небораку

Вагон. Купе. Две мешочные тетки.
Оплывшая девушка с самоварной фиксой.
Проводник, что крупье, с элегантной планшеткой.
Лица с картин немолодых Кукрыниксов.

Дорога во Львов. В клозете гнусно.
Снаружи не менее интересно.
Уступил тетке нижнее место.
Дует несносно, на верхней тесно.

Все это вместе – куда стремился.
Каштаны (за что мне?) в этих темных аллеях.
Не обоссался. Еще не спился.
Хочется плакать. Но не жалею.

2. Зима девяносто пятого

Л. Васильевой-Линецкой

Дым закипевшего черного снега,
озеро Ладога или Онега –
память, провал у недвижимых ног.
Глазу удобней иная картина:
слоник на полке, диван дерматинный
и в диалоге уютный дымок.

Я не забыл, никогда не забуду
ставшую льдом слюдяную запруду
где-то у черта, в Карпатах, во сне.
Помнить начну в этой кухне с балконом,
хлеб поедая со скучным беконом,
красное в белом – рябину и снег.

Помнить продолжу картину иную,
львовский декабрь перезимую
в тесном пространстве резных мостовых.
Вовсе не страшно в горбатом проулке
пьяно с подругой скользить на прогулке
без фонарей. Только я не о них.

Не воротиться в прокуренный сумрак
юности гибельной, кухонь безумных,
сизых соседей, любви и судьбы.
Лишь повторять это дивное "прежде"
без любования, боли – но трижды:
только бы выстоять, только бы!

3. Январский сон

О. Кирееву

Ты зачем-то приснился мне в белом плаще
и в десантных ботинках багряного цвета
на картинке январского Крыма. И дочка еще
мельтешила на ветреном пляже. Про это
сочинить не смогу. Видно, радость не в масть.
Значит, слово за словом неладно ложится.

Ненакладно, а то и в прибыток – отпасть,
закатиться за шкаф, замереть, отложиться
от слепящего белого камня. И писем не слать.
Не кидаться к почтовой копилке в подъезде,
притяженье нарушить и медленно спать,
застывая под стать январю в неположенном месте.

Отречение – отсутствие вкуса? А хоть бы и так,
если этой зимой, как в войну, затемнение в городе.
Закрываюсь на ключ, на сезонный обед, натошак,
на роскошный ништяк в очарованном марочном
холоде.

1997

ШКОЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Ю. Львовой

А небо так пусто, так низко
над домом и лесом висит,
и школьная ваша записка
в почтовой коробке лежит.

Давайте смолчим, не покажем,
насколько другим не чета,
что не обязательно даже
друг друга записки читать,

что холод зимы неподделен,
что, если считаться начать, –
ни дома, ни леса, ни денег,
а только застыть и молчать.

И самая жалкая фраза
такой высотой зазвенит,
что небо подыметса разом
и разом взметнется зенит.

1999

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Олегу и Алёне, с любовью

Я живу так, как меня несет,
поднимаю слово, что плохо лежит.
Мне известно – никто не спасет,
даже если красный зверек мимо не пробежит.

А и если спасется кто,
какой-никакой:
– Вишь ты, жить захотел, –
какой-никакой спасется
и вернется домой,
он не помнит домашних дел,
и домашний кот
не узнает и отвернется, не улыбнется.

И отвалит он, куда глаза не глядят
(никуда не глядят),
точно зомби какой,
будто долбаный голем из Праги.
А умеет что? – Сочинять лексикон щенят,
оставляя значки на закапанной чаем бумаге.

А куда он пойдет? – он чужой, и креста на нем нет.
Он захочет на остров, где вереск на красном граните, –
лишь минувшего след. А над Ладогой дождик и свет.
Ничего не сумеет. А вы все равно не гоните.

Потому что не время надежд, потому что закончилось
время,

и рассвет упырем обратился в последний закат.
Остаются печаль и тепло – только горечи дивное бремя
прежних лет,
уходящих разумно назад.

12 августа 1998

* * *

Ю. Вайсу

Почему ты все дуешь в трубу,
молодой человек?

Осип Мандельштам

I

Я пожилой человек,
то есть пожил – и будет.
Ближневосточный снег
безумия не остудит,
ангельским холодком
не остудит паскуда.
Вот потому тишком
я больше уже не буду
в ответе за прежних вас,
тех, что плачут ночами.
Вот и вчера как раз
под утро во сне кричали...

II

Камнем – кто без греха!
Не отмолчишься мудро.
Третий лай петуха
слышу каждое утро.

...Город ослеп. Зима.
Если смотреть с холма

привычный скупой пейзаж –
увидишь повтор, мираж:
сад на горе, пустырь,
кладбище, монастырь,
в белом огне Стена...
Вот и пожил сполна.

15 декабря 1993

БУКВАРЬ

К. Капович

Голоса все еще нет,
а молчать о чем – не знаю.
Лексикон слепых щенят,
спотыкаясь, сочиняю.

Знать, такие времена
наступили, правый Боже,
что усталая страна
нелюбимой быть не может,

что домашнее зверье,
шлюхи, стукачи, кликуши
заставляют про свое
думать, плакать, верить, слушать.

Немудреный мой словарь
в эпилепсии корежит.
Тварь дрожащая – букварь.
Научи словам, мой Боже!

Научи меня скорей
под последнюю сурдинку
для зверей и для людей
сочинить букварь в картинках.

1994

СОДЕРЖАНИЕ

Парафраз	5
----------------	---

ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ

Долгие провода – лишние слезы... ..	9
Целый вечер в доме молчок... ..	10
Ночь Галилеи	11
И глаза к темноте привыкают... ..	12
Как страшно пели птицы на заре... ..	13
Заглянуть в себя, увидеть, заглядеться... ..	14
Из цикла "Живой уголок"	
1. Чиновник	15
2. Домашний зверь	15
3. Синица	16
4. Муравей	17
Прогулка	19
Что мне до вечности... ..	21
Российские просторы мне не снятся... ..	22
Хрестоматийная смерть	23
Цветаевой	24
Седая цапля, грех далекий мой... ..	25
На Средиземноморье почему-то... ..	26
Бессмысленна полночная слеза... ..	27
Из "Арiona"	28

ДРУГАЯ ПОПЫТКА

Мне нечего вспомнить...	31
31 мая 1991 (подарочные стихи)	
I. Я научаюсь обходиться...	32
II. Я отстоял на часах...	32
III. Кот заплакал – вот душа, вот и тело...	33
IV. Желтушный белок и зрачок голубой...	33
V. Комната	34
Другая попытка	
1. Риторическое введение	35
2. Явление пионерки	36
3. Птица	37
4. Куплеты о сумасшедшем	38
5. При свете прожектора	40
6. Разрыв	40
7. Искушение	42
8. Завтра	43
9. Послесловие	44
Два стихотворения	
Разговор	45
Записка	45

ЖИВУ ДОБРОВОЛЬНО

Юбилейная проза	49
Лишь перышко черкнет скупой рисунок...	50
Но я не поклонник своих стихов...	51
Так громко крикнуть...	52
Романс	53
Зимние сборы	54
Зимние сборы-II	55

Не помыслить пока...	57
Окуджаве	58
Майский полдень девяносто второго	59
Дом	61
Заклинание	62
Львовский триптих	
1. Поезд	63
2. Зима девяносто пятого	63
3. Январский сон	64
Школьное стихотворение	66
Возвращение	67
Я пожилой человек...	69
Букварь	71

